

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Эс

НЕОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Вот уже 11 лет народная артистка РСФСР Мargarита Володина не снимается в кино, не появляется на театральной сцене. Да и раньше... Впрочем, историю о том, что было раньше и что сейчас, пусть расскажет сама Margarита Владимировна.

— Это давняя история. Она с «Оптимистической трагедии» началась, когда казалось, что открыт путь к работе, успеху. Ведь и зрители, и критика приняли Комиссара прекрасно. Но дело, видимо, в том, что фильм был снят моим мужем Самсоном Самсоновым. И потому к выходу «Трех сестер», нашей следующей картины, уже ощущался душок несправедливости.

Помню, однажды на телевидении один из критиков вел сюжет, посвященный «Трем сестрам». Пустили ролик, где моя Маша говорит о том, что ей несносна грубость, она страдает от нее. За ним последовал комментарий: «Грубость грубостью, но актрисам, в частности Володиной, не хватило интеллигентности, чтобы играть Машу». Как, по-вашему, корректный прием? Впрочем, разве только мне приходилось такое переживать? А Татьяне Самойловой, когда картина «Летят журавли» была просто растоптана здесь, а потом чудом прорвалась на международные фестивали, и те же люди, что здесь ее топтали, с восхищением говорили о фильме и о Самойловой? А судьба Изольды Извицкой?..

Так вот, вокруг меня атмосфера недоброжелательства сгустилась все больше. Сейчас уверена, что это было направлено не столько на меня, сколько на Самсонова. Он — человек одаренный, испытывавший успех, при этом нервный, некоммуникабельный. Снимает жену... А я к тому времени уже стала победительницей конкурса журнала «Советский экран» на лучшую актрису года, уже на фестивале ездила, призы получала. Естественно, это не могло не вызывать зависти.

— Но почему зависть изливалась на вас?

— Наверное, так больнее. Да и «свернуть» меня легче было: молодая, неопытная, зависимая. Ведь у меня, кроме Самсонова, других режиссеров почти не было, и когда мы расстались с ним в начале 70-х, то я просто оказалась «выкинута» из кино. Какие-то грязные версии по поводу развода, приглашений нет, работы нет, жить негде, не на что — сто рублей «простойных». Плюс кошмарные рецензии на последний фильм «Каждый вечер в одиннадцать», в которых безапелляционно и бездоказательно заявлялось, что в этой ленте надо было снимать других актеров. В общем, оказалась никому не нужна.

— Говорят, тогда вы написали Брежневу.

— Я написала в Политбюро, просила поддержки. Это был шаг отчаяния. И поддержка была...

Я поняла, что, если сама не смогу защититься, все, кино для меня потеряно. Оригинального сценария найти не смогла и остановилась на «Последней жертве» А. Островского, на Юлии Тугиной — мне уже ничего не надо было в ней доигрывать, я ощущала и слом, и больную душу. Тяжба моя за Юлию тянулась два года. Я сказала себе: «Если ничего не добьюсь — я не актриса, не человек!» Меня ничто не должно волновать, ни житейские неурядицы, ни сплетни, ни заслоны. В конце концов объединение В. Наумова на «Мосфильме» дает режиссера — Петра Тодоровского. Он в то время работал на Одесской студии. И вот Тодоровский пишет сценарий. Я читаю... Где же Юлия Тугина? Какие-то штрихи, разговоры о ней, и основная сцена, на которой все держится, — в темноте. То есть героини как таковой в кадре нет!

— Вы считаете, Тодоровский сделал это сознательно?

— Нет, думаю, против меня он ничего не имел, просто был в то время очень зависим: его пригласили на «Мосфильм» из Одессы... В общем, отстояла я свою Юлию. Сниматься, правда, было довольно трудно, контакт с режиссером был

с самого начала нарушен, но тем не менее... А потом — вновь затишье.

— Примерно в то же время, в 1979-м, вы ушли из театра. Почему?

— Чувствовала, что надо в корне перестроить жизнь. В театре такая ненависть, такая травля, что поняла: никому я тут не нужна, деться мне некуда, как актрису меня сломали...

— Но отчего такая ненависть?

— Кто-то пустил слух, что я собираюсь уехать из Союза. А вы понимаете, что такие слухи в конце 70-х даром не проходили.

— Вы действительно собирались уехать?

— Нет, конечно, нет, но, знаете, если человека бьют постоянно, то он ищет выход. В моем положении это, может быть, было бы лучше. Вероятно, я об этом высказывалась. Во всяком случае никогда не осуждала, в том числе и публично, своих друзей, что покинули страну. Это и порождало слухи. А тут еще средств никаких нет, вышла из дачного кооператива — сняла со счета все деньги, ну чтобы жить как-то, ведь у меня ребенок, старая мать. Опять слухи, что хочу уехать в Израиль. Больше всего меня поразило: совсем недавно, когда я была в ЦК, пыталась «пробить» «Марию Стюарт», мне сказали: «Много у вас врагов, Margarita Владимировна. Уж не оттого ли, что хотели уехать? Что-то есть, что-то есть...». Это сколько же лет прошло, а помнят! А я-то думала: новое время, перестройка, дай-ка попытаюсь поднять голову, почему бы не попробовать сыграть вечную тему предательства, которая так мне знакома! Прекрасно понимала, что давно вышла из того возраста, чтобы играть Марию в молодости, хотела сделать последние годы. Нет, не получилось.

— Простите, Margarita Владимировна, не совсем понимаю, почему вы средством для решения творческих проблем выбираете обращение в высокие инстанции: Политбюро, Министерство культуры, ЦК?

— Я не очень коммуникабельный че-

ловек, не умею с режиссерами договариваться, многие меня не понимают, делают какие-то свои неверные выводы о моем характере, не имеющие ко мне никакого отношения. У меня действительно есть комплексы, я не умею быть «своей», налаживать контакты для пользы дела.

— Но вернемся чуть назад. В 1979-м вы ушли из Театра-студии киноактера. Пробовали обращаться в другие театры?

— Конечно. Первым делом пошла во МХАТ — я ведь мхатовка по образованию. Но, как видите...

— Как вы жили эти годы?

— Ездил от Бюро пропаганды киноискусства с творческими вечерами — ведь зрители-то до сих пор не могут понять, почему меня нет на экране! Потом пришла в Росконцерт, стала от них ездить с программами по Союзу. Где только не была — на флоте, у буровиков, на Дальнем Севере... А как встречали! Вставали, бескозырки в воздух бросали! Как-то решила, что зрителям будет интересно, если я в начале покажу маленький кусочек из «Оптимистической», а в конце — из «Последней жертвы». Что тут началось! Скандалы, письма какие-то в Росконцерт пошли, что я-де не отработываю своего времени, потому что пускаю ролик. Пришлось убрать.

— И за эти годы ни разу не было предложений от кино?

— После того как «не пустили» Марию Стюарт, предложили роль глубокой старухи. Отказалась. Больше ничего не было. Да, боюсь, и в Росконцерте моя работа подходит к концу. Они сейчас связаны с кооперативами, заинтересованы в больших сборах, спортивных аренах. А я камерная актриса, и аудитория у меня камерная. В общем, не берут, не берут... Еще немножко, и я не знаю, куда идти.

Вот такая грустная история о «звезде», которая оказалась никому не нужна. А, впрочем, нужны ли вообще нашему кинематографу «звезды»? Не зрителю, который их помнит, узнает в редких сеансах «повторного фильма», удивляется: куда пропали, почему не снимаются? Нужны ли они кинематографу, не знающему, что с ними делать?

Тут, должно быть, трагедия не только Margarиты Володиной, Татьяны Самойловой, Аллы Ларионовой... Это и его, кинематографа, трагедия. Не оставляющая надежд не только тем, бывшим, но, думается, и сегодняшним «звездам». Что с ними станет через 20 лет?

Ольга ШУМЯЦКАЯ.

Следующий номер «Экрана и сцены» выходит 1 мая.